

Современные принципы профилактики психических расстройств у детей и подростков

ВОСТРОКНУТОВ Н.В.

д.м.н., профессор, академик РАО,
руководитель отделения Социальной психиатрии детей и подростков
ФГБУ ГНЦ ССП им. В.П. Сербского МЗ СР России

ПЕРЕЖОГИН Л.О.

д.м.н., старший научный сотрудник отделения Социальной психиатрии детей и подростков
ФГБУ ГНЦ ССП им. В.П. Сербского МЗ СР России.
E-mail: dr-lev-perezhogin@yandex.ru

С опорой на концепции, доминирующие в отечественной и зарубежной клинической детской психиатрии, анализируются современные подходы к профилактике и реабилитации психических расстройств у детей и подростков.

Ключевые слова: дети, подростки, психические расстройства, профилактика

Каждая эпоха в развитии цивилизации может быть охарактеризована через отношение общества к проблеме психического здоровья, в частности психического здоровья детей. В начале второго тысячелетия в средневековой Европе от детей, страдавших психическими расстройствами, старались как можно быстрее избавиться. Самым гуманным способом была передача такого ребёнка в подземелья ближайшего монастырского приюта [23], но в большинстве случаев ребёнка, обнаруживавшего очевидные признаки психического расстройства, ждала голодная смерть в лесной чаще. По мере развития цивилизации всё больше места находилось состраданию: после Великой Лондонской чумы и Великого Лондонского пожара (1666 г.) горожане «лишь стоило появиться на улице безумному, или калеке, или женщине с больным ребёнком, выносили еду и протягивали медяки, ведь всем хотелось быть добрыми христианами, настолько напугал лондонцев Божий гнев» [1].

В начале XX века в отечественной и зарубежной психиатрии уже господствовали две основополагающие гуманистические тенденции:

1) психиатрия, продолжая оставаться самостоятельной клинической научной дисциплиной, стала всё более глубоко внедряться в повседневную жизнь, вторглась в смежные с ней немедицинские отрасли — социологию, педагогику, психологию, право;

2) психиатрия заимствовала из смежных немедицинских отраслей, а также из других клинических наук ряд концептуальных положений, в том числе концепцию профилактики психических расстройств (по аналогии с профилактикой соматической патологии, травм, инфекционных заболеваний, преступности, бедности и т.д.).

На протяжении всего последнего столетия профилактическая психиатрия поступательно развивалась и сегодня, в начале третьего тысячелетия, стала, по сути, самостоятельным разделом психиатрической науки и практики.

Современная профилактическая психиатрия является интегративной наукой, объединяющей изучение конституционально-генетических (включая морфологические и иммунные), популяционно-эпидемиологических, социально-психологических и клинко-динамических аспектов психических расстройств в контексте достижения первичного профилактического и вторичного — реабилитационного — результатов.

Достижение же результатов представляется возможным при соблюдении, по крайней мере, трёх условий:

1. Должны быть осуществлены (на основании широкомасштабных исследований) выбор приоритетных направлений в области профилактики психических расстройств и определение целей и задач (уровень научного планирования);

2. Должны быть спланированы и предприняты (на региональном, государственном, международном уровне) меры по широкомасштабной популяционной диагностике психических расстройств, что позволит прогнозировать развитие ситуации в сфере психического здоровья (включая наркологическую ситуацию), выявить факторы риска, саногенных и патогенных факторов при отдельных нозологических формах (уровень популяционного исследования);

3. Должны быть разработаны и реализованы программы ранней диагностики, профилактики и реабилитации при широком спектре психических расстройств (уровень клинической реализации) с последующим мониторингом динамики ситуации.

Следует признать, что сегодня в России общая ситуация с профилактикой психических расстройств исключительно тяжёлая. Это, в частности, подтверждается эпидемиологическими данными о психических расстройствах в детской популяции, которые демонстрируют устойчивый рост. На фоне снижения числа детей в России с 1999 г. на 6 млн чел. (в связи с общим процессом старения населения) и укомплектованности штатов детских психиатров на 62% выявление детей с впервые в жизни установленным диагнозом психического расстройства выросло с 1999 г. по 2006 г. с 618,0 до 668,6 чел. в год на 100 тыс. детского населения. При этом у 113,0 чел. на 100 тыс. детского населения диагностирована умственная отсталость, у 541,3 — непсихотические формы психических расстройств и лишь у 14,3 — психозы, включая шизофрению (3,1 на 100 тыс. детского населения). В то же время общее число детей, страдающих психическими расстройствами, которым оказывается внебольничная помощь, ежегодно увеличивалось в среднем на 1% и составило в итоге 2900,4 на 100 тыс. детского населения, из них 436,1 являются инвалидами по психическому расстройству. В подростковой среде ситуация носит ещё более удручающий характер. Если в 1991 г. подростков с впервые в жизни установленным диагнозом психического расстройства было выявлено 355,8 на 100 тыс. подросткового населения, то в 2001 г. — уже 562,9 на 100 тыс. подросткового населения при том, что укомплектованность подростковыми психиатрами за тот же период снизилась на 17,7%. Общее число подростков, страдающих психическими расстройствами, за последние годы росло в среднем на 2% в год и составило в 2006 г. 3581,2 на 100 тыс. подросткового населения. Параллельно росту числа детей и подростков, страдающих психическими расстройствами, неуклонно сокращалось число визитов к врачам-психиатрам и число детей и подростков, находящихся под диспансерным наблюдением [5, 6].

В.Ф. Шалимов [24], анализируя сложившуюся ситуацию, пришел к выводу, что существует, по крайней мере, несколько причин, обусловивших негативную динамику в детской и подростковой психиатрии, в частности:

- 1) исключение врача-психиатра из участия в диспансеризации детей;
- 2) недостаточное развитие медико-социальных учреждений реабилитационного типа;
- 3) отсутствие у врачей в первичном звене здравоохранения знаний и навыков раннего выявления психических расстройств;
- 4) ориентация врачей-психиатров на оказание помощи при тяжёлой патологии (психотических расстройствах, умственной отсталости, выраженных за-

держках психического развития и т.д.) в ущерб преобладающим в детской и подростковой популяции органическим и невротическим расстройствам и пограничной патологии развития;

5) игнорирование родителями болезненного характера имеющихся нарушений у детей и из-за страха перед обращением в психиатрический диспансер в связи с боязнью связанных с этим социальных ограничений.

Таким образом, налицо острое противоречие между необходимыми и реализуемыми мерами профилактической и реабилитационной направленности.

Говоря о психическом здоровье, в целом, о психическом здоровье детей и подростков, в особенности, следует исходить из того, что концепция здоровья, развиваемая Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ) предполагает достижение «состояния полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствия болезней и физических дефектов». В этом плане говорить о достижении здоровья можно лишь тогда, когда мы видим у индивида весь спектр возможностей по адаптации к окружающей среде и рост потенциала жизнедеятельности. По определению В.Я. Семке (1992, 1994), это «состояние динамического равновесия индивида с окружающей его средой, когда заложенные в его биологической и социальной сущности способности проявляются наиболее полно, а все жизненно важные системы функционируют с оптимальной интенсивностью» [20, 21]. Таким образом, психическое здоровье должно определяться как минимум, по пяти направлениям:

1) физическому (т.е. трудно говорить о психическом здоровье при наличии телесного недуга; любое соматическое заболевание неизбежно ведёт к сопутствующему психическому расстройству (хотя бы на синдромальном уровне), по крайней мере, в период своего существования);

2) собственно психическому, душевному (включает весь известный нам спектр психических расстройств);

3) социальному (социальное благополучие и достижение приемлемого уровня социального функционирования, обладание определёнными социальными благами и достижение социальной справедливости, в том числе общественного признания);

4) ролевой деятельности (на работе и в семье, ответственность этой деятельности параметрам аутоидентификации);

5) качеству жизни (т.е. собственным субъективным восприятием благополучия/неблагополучия, с оценкой своего текущего состояния и перспектив развития) [32].

Отдельным параметром должно, вероятно, рассматриваться общественное психическое здоровье — не в контексте совокупности психического здоровья индивидов, а как качественно более высокий уровень, обеспечивающий совокупность условий для достижения психического здоровья индивидами. Если исходить из классической парадигмы клинической психиатрии, подразумевающей 3 уровня психических расстройств: *психотический*, сопровождающийся грубой дезорганизацией психической деятельности, имеющей преимущественно биологическую природу; *невротический* — социогенный, с преимущественным вовлечением эмоционального и соматовегетативного круга расстройств; *психопатический* — смешанный биологический и социогенный характер происхождения, преобладание личностной патологии, — то профилактика психических расстройств возможна на всех трёх уровнях:

1) на невротическом уровне она будет носить характер первичной профилактики (недопущение возникновения расстройства);

2) на психопатическом уровне — вторичной профилактики (недопущение обострений, развития, социальных последствий, профилактика коморбидных состояний);

3) на психотическом уровне — третичной профилактики (реабилитация, реинтеграция в общественную среду, повышение качества жизни).

Современная психиатрия детского возраста добавляет в данный континуум ещё два основных направления:

1) психическое здоровье ребёнка не может рассматриваться вне контекста его развития;

2) психическое расстройство может не достигать по степени своей выраженности нозологического уровня, а присутствовать лишь на уровне реакций, патологических состояний, затяжных состояний — развитий (в представлении К. Ясперса) [26].

Это существенным образом затрудняет диагностическую работу с использованием распространённых скрининговых методик. Их валидность в детском и подростковом возрасте значительно уступает показателям взрослых лиц. В то же время за рубежом в последние 20—30 лет по-прежнему широко распространена практика скрининговых исследований, охватывающих 100% детской популяции (например, шкалированными опросниками, направленными на выявление расстройств аутистического спектра). В частности, стандартные методики диагностики расстройств аутистического спектра представляют собой тематические опросники, применяющиеся для скрининга данной патологии в популяции или в группах риска (дети с нарушениями в развитии).

Наиболее широко используются Опросник для диагностики аутизма (пересмотренная версия) (ADI-R), который представляет собой, по сути, план

беседы врача с родителями, а также Шкала наблюдения для диагностики аутизма (ADOS) и Оценочная шкала детского аутизма (CARS), представляющие собой не более чем структурированные и систематизированные перечни симптомов расстройств аутистического спектра, зафиксированных в МКБ-10 и DSM-IV (критерии двух ведущих классификационных систем в отношении расстройств аутистического спектра практически идентичны). Данные шкалы были разработаны с целью передачи первичной диагностики расстройств аутистического спектра от врачей-психиатров врачам общей практики и семейным врачам, однако накопленный в США и странах Европы опыт показал, что они не способствуют выполнению поставленных задач, в частности вопреки широкому использованию оценочных шкал (в 18 и 24 мес.), средний возраст диагностики аутизма в США составил 5,7 года, а 30% верифицированных диагнозов ставится в возрасте 8 лет и более [31]. Таким образом, несмотря на имеющиеся данные о клинической специфичности используемых шкал, многие специалисты и национальные регулирующие органы за рубежом склонны рассматривать их не более, чем инструмент на первичном (оценочном) этапе диагностики. В Великобритании использование шкал для широкой диагностики в популяции признано нецелесообразным [33]. Всеми признано, что клиническое наблюдение специалистом (врач-психиатр, специально обученный педиатр или врач общей практики) значительно превосходит по валидности любой из имеющихся тестов [28].

Таким образом, для решения задач скрининговой диагностики и мониторинга психических расстройств необходимо обеспечить проведение клинического исследования, что практически невозможно осуществить силами имеющихся в любой стране врачей-психиатров. Этим фактом обусловлена общемировая тенденция по распространению психиатрических знаний среди врачей общей практики и педиатров, перенесение всей массы первичной диагностики с собственно психиатрического на общемедицинское звено системы здравоохранения. В детской практике к диагностической работе всё шире привлекаются специалисты, работающие в системе образования. Таким образом, одной из ключевых задач профилактической психиатрии становится задача просвещения, информирование специалистов смежных отраслей и самых широких слоёв населения об основных проблемах психического здоровья. Общеизвестно, что исследования учёных могут контрастировать с отношением населения к ряду факторов, влияющих на психическое здоровье: например, социологические исследования показали, что среди факторов, ухудшающих самочувствие, менее 20% населения отметили курение, злоупотребление алкоголем, дисгар-

монию в сексуальных отношениях, неудачи в делах, употребление некачественной пищи [17].

В рамках профилактической психиатрии обязательно учитываются ряд сложных, комплексных аспектов, определяющих взаимодействие индивида (в особенности, ребёнка) с его окружающей средой. К таким аспектам относятся:

1) экологический — многие люди проживают в заведомо неблагоприятной окружающей среде, в силу чего их адаптационные возможности оказываются резко снижены, что, в свою очередь, влияет на психическое здоровье (рост алкоголизма у коренных этносов Крайнего Севера, рост числа суицидов у жителей мегаполисов, психические расстройства у работников, связанных с экстремальными условиями труда, нарушения развития и социальных навыков у воспитанников детских домов и т.д.);

2) культуральный, этнологический и этнологический аспекты, включая аспекты современных субкультур, столь характерных для подросткового возраста, и функционирование внутри виртуальных кибернетических пространств (социальные сети, сетевые игры и т.д.);

3) роль патогенных и саногенных факторов в микроокружении, их патогенетическое и прогностическое значение.

Некоторые из названных выше параметров поддаются изучению, могут быть «взвешены и измерены», но многие предполагают лишь качественную оценку.

Важным фактором, вошедшим в профилактическую психиатрию из клинической медицины, является фактор, оценивающий состояния компенсации и декомпенсации. В рамках оценки общего состояния индивида оценивается не столько формальное состояние его психического здоровья, сколько его способности к полноценному психическому функционированию. В контексте детской и подростковой модели профилактики и реабилитации это приобретает следующие концептуальные формы «мишеней» для профилактической работы:

1. *Концепции развития-социализации.* Это основополагающее положение социальной психиатрии детского возраста, предполагающее, что:

1) дети и подростки, находящиеся в процессе психического и социального развития (усвоения социальных навыков) испытывают значительное, по последствиям сильно превышающее таковое у взрослых влияние окружающей социальной среды;

2) многие социальные факторы, нейтральные для взрослых, являются патогенными для детей и подростков (разлука с близкими, нахождение в условиях клиники или приюта, влияние микроокружения);

3) социальные факторы так же, как и биологические, могут вызывать нарушения развития — дизонтогенез [22];

4) ребёнок является не столько объектом воздействия, сколько субъектом взаимодействия с родителями, педагогами, врачами, другими детьми, обществом, в целом;

5) ведущим фактором формирования социальных навыков является семья — как среда, оптимальная для развития ребёнка;

6) нарушение процессов развития и социализации в силу внешних и внутренних причин позволяет выделять группы риска по формированию психических расстройств;

2. *Концепции психической дезадаптации.* Психическая дезадаптация носит, как правило, не тотальный, а парциальный, средовый характер. В определённых условиях ребёнок может быть адаптирован, успешен, в других — дезадаптирован, беспомощен. Причиной социальной дезадаптации являются социальные и биологические дистрессы [18] — депривационные (утрата родителей, близких; изъятие из привычной среды; ограничение в удовлетворении витальных потребностей и др.), связанные с эмоциональными потрясениями (сексуальное насилие, физическое насилие, угроза жизни и др.), связанные с хронической психотравмирующей обстановкой (в семье, в школе, в микроокружении). Таким образом, выстраивается цепочка: дистресс — дезадаптация — компенсаторные и гиперкомпенсаторные реакции — аномальное поведение [3, 8, 10, 14, 24];

3. *Концепции групп риска.* Под «группами риска» принято понимать большие контингенты детей, в которых в силу дистрессового воздействия значительно (по сравнению с популяцией) возрастает частота определённых психических расстройств. Рядом авторов описаны специфические психические расстройства в группах риска — прежде всего, депрессии, острые аффективные реакции, психогенные развития [3, 8, 11, 29, 30]. Но в группах риска в большей степени встречаются неспецифические патологические состояния — задержки интеллектуального развития и парциальное снижение интеллекта, стойкие изменения эмоционально-личностного реагирования, нарушения коммуникации, волевые расстройства, соматовегетативные реакции, неспецифические органические симптомы [2, 11, 25, 27]. Эти состояния трудно сопоставимы с определённым нозологическим или синдромальным диагнозом, однако они создают неблагоприятную «психопатологическую почву», реализуясь (в свой час) уже в форме клинически очерченных патологических состояний. На определённом этапе их «альтерированное воздействие проявляется вовне, обуславливая возникновение симптомов и синдромов и знаменуя переход болезни на качественно новый — клинический уровень» [9];

4. Концепции превентивного воздействия и реабилитации. Базируются на гуманистических принципах соблюдения прав ребёнка и включают общие программы (информирование детей, родителей, педагогов, специалистов правоохранительных органов; тренинговые программы взаимодействия, телефоны доверия и др.) и программы, ориентированные на определённую группу детей и подростков. Как правило [14—16], реабилитация включает в себя несколько этапов:

1) диагностику психических расстройств и факторов «патологической почвы»;

2) оказание специфической психофармакологической и психотерапевтической помощи с целью купирования острых состояний;

3) оказание неспецифической психокоррекционной и социально-реабилитационной помощи с формированием навыков социального взаимодействия и адаптации.

Разработаны сотни авторских реабилитационных программ [12, 24].

Говоря о «мишенях» профилактической работы, многие исследователи приводят целый спектр патологических и пограничных состояний, которые, будучи ассоциированы с внешним (стрессовым любого генеза) или внутренним (эндогенным) патологическим радикалом, могут провоцировать широкое разнообразие психических расстройств и вторичных по отношению к ним расстройств социальной адаптации и поведения (школьная неуспешность, бродяжничество, криминальное поведение и т.д.). Основное место в данном континууме традиционно отводится следующим состояниям:

1. Факторы риска и определяемые их воздействием группы риска (см. выше) — Ю.П. Лисицын [13] считал, что 50—55% риска возникновения патологии определяются стилем жизни индивида, 20—25% — это вклад неблагоприятных условий окружающей среды, 15—20% определяются конституцией, а 10—15% — успехами и неудачами оказания медицинской помощи;

2. Аномальные личностные реакции — совокупность форм аномального реагирования, сопровождающихся утратой приспособительного характера, ломкой ранее сформированных механизмов психической защиты, фиксацией на узком, ограниченном круге аффективных переживаний, утрата в дальнейшем связи с психотравмирующим фактором, «питание» за счёт внутреннего патологического ресурса, появление ригидных форм аномального реагирования, ассоциированных с тревогой, сопровождающихся функциональными соматическими и нейродинамическими сдвигами [19];

3. Акцентуации характера (в понимании К. Леонгарда и шире) — не достигающие психопатического уровня деформации личности «необычайные натуры» и «своеобразные личности» с преморбидной уязвимостью в плане переносимости ряда социально-психологических ситуаций;

4. Тревожные, тревожно-ригидные типы, с элементами психастении (в понимании П.Б. Ганнушкина), испытывающие перманентное напряжение, чувство угрозы, трудно меняющие внутреннюю программу деятельности. По сути, это личности, особенно склонные к формированию невротических реакций (снижение барьера адаптации, в понимании Ю.А. Александровского);

5. Лица, обнаруживающие склонность к аддиктивному поведению (в широком смысле) и формированию неэффективных копинг-стратегий.

При анализе описанных выше «мишеней» профилактики встаёт непростой вопрос: о какого рода профилактике должна идти речь? Данные состояния не могут быть однозначно отнесены ни к здоровью (тогда речь шла бы о первичной профилактике, применении сберегающих здоровье технологий), ни к патологии (тогда речь идёт, применительно к пограничным состояниям, о вторичной профилактике).

Таким образом, в условиях современной психиатрической помощи, в особенности детям и подросткам, представляется единственно возможным говорить о едином профилактическом континууме, обеспечивающем формирование устойчивой психической адаптации, обеспечивающей формирование предикторов здоровья, что достижимо лишь при полипрофессиональном, направленном, по сути, на превалирование профилактических и реабилитационных стратегий, подходе.

Список литературы

1. Акройд П. Лондон. Биография. — М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2009. — 896 с.
2. Алмазов Б.Н. Психическая средовая дезадаптация несовершеннолетних. — Свердловск: Вече, 1986. — 113 с.
3. Вострокнутов Н.В., Харитонов Н.К., Пережогин Л.О., Колосов В.П. Психопрофилактическая работа с несовершеннолетними, имеющими высокий риск наркотизации. Основы семейного консультирования: Методическое пособие. — М.: РИО ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2002. — 64 с.
4. Вострокнутов Н.В., Харитонов Н.К., Пережогин Л.О., Морозова Н.Б. Профилактика и реабилитация несовершеннолетних с психическими расстройствами и криминальной активностью: Пособие для врачей. — М.: РИО ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2004. — 84 с.
5. Гурович И.Я., Голланд В.Б., Зайченко Н.М. Динамика показателей деятельности психиатрической службы в России (1994—1999). — М., 2000.

6. Гурович И.Я., Голланд В.Б., Сон И.М. и др. Психиатрические учреждения России: показатели деятельности (1999—2006). — М.: Медпрактика-М, 2007. — 572 с.
7. Гурьева В.А., Вострокнутов Н.В., Макушкин Е.В. Социальные факторы и психические расстройства у детей и подростков // Руководство по социальной психиатрии. — М.: Медицина, 2001. — С. 117—135.
8. Гурьева В.А. Психогенные расстройства у детей и подростков. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1996. — 208 с.;
9. Давыдовский И.В. Проблемы причинности в медицине. — М.: Медгиз, 1962. — 540 с.
10. Девятова О.Е. Семейная депривация и психические расстройства у детей. — М.: Барс, 2004. — 114 с.
11. Дмитриева Т.Н. Сравнительный анализ роли микросоциальных и биологических факторов в формировании и динамике девиантного поведения при различных патохарактерологических расстройствах у подростков // Охрана здоровья детей и подростков. Материалы IV конгресса педиатров России. Москва, 17—18 ноября 1998 г. — С. 140.
- Елисеев А.В. Расстройства психического развития в детско-подростковом возрасте: Дисс. на соискание учёной степени д.м.н. — Томск, 2006.
- Лисицын Ю.П. Санология — основа первичной профилактики // Вестник АМН СССР. — 1995. — №8. — С. 48—51.
12. Макушкин Е.В. Агрессивное криминальное поведение у детей и подростков с нарушенным развитием. — М.: МИА, 2009. — 240 с.
13. Ремшмидт Х. Детская и подростковая психиатрия. — М.: Эксмо-Пресс, 2001. — 624 с.
14. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. — М.: Мир, 1994. — 320 с.
- Сабурова Л.А., Ушнурцев М.Ю. Влияние различных микросоциальных факторов на психическое здоровье населения // Вестник «Медицина для вас». — 1996. — №24. — С. 31.
15. Селье Г. Стресс без дистресса. — М.: Прогресс, 1979. — 123 с.
- Семке В.Я. Истерические состояния. — М.: Медицина, 1988. — 222 с.
- Семке В.Я. Экологическая психиатрия: настоящее и будущее // Социальная и клиническая психиатрия. — 1992. — Т. 2. — Вып. 3. — С. 19—22.
- Семке В.Я. Экологические проблемы современной психиатрии: региональные аспекты // Вестник РАМН. — 1994. — №2. — С. 12—17.
- Сухарева Г.Е. Клинические лекции по психиатрии детского возраста. — М.: Медицина. Т. 1, 1955; Т. 2, 1959; Т. 3, 1965.
16. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. — СПб.: Университетская книга, 1997. — 576 с.
- Шалимов В.Ф. Медико-социальная помощь детям младшего школьного возраста с пограничными психическими расстройствами: Дисс. на соискание учёной степени д.м.н. — М., 2007.
17. Шевченко Ю.С., Шагинян Н.Ю., Бармин В.В. Психосоциальные аспекты нежеланного материнства и раннего развития ребёнка // Социальная и клиническая психиатрия. — 2001. — №3. — С. 94—105.
18. Ясперс К. (1913) Общая психопатология. — М.: Практика, 1997. — 1056 с.
19. Andrews J.A., Capaldi D. Adolescent and family predictors of physical aggression and communication // Journal of Consulting & Clinical Psychology. — 2000. — Apr. — Vol. 68. — Issue 2. — P. 195—210.
20. Dover C.J., Le Couteur A. How to diagnose autism // Arch. Dis. Child. — 2007. — Vol. 92 (6). — P. 540—545.
21. Kaplan H.B., Lin, Cheng-Hsieng Deviant Identity as a Moderator of the Relation Between Negative Self-Feelings and Deviant Behavior // Journal of Early Adolescence. — 2000. — May. — Vol. 20. — Iss. 2. — P. 50—72.
22. Pound A., Puckering C. The impact of maternal depression on young children // Br. J. Psychother. — 1988. — Vol. 4. — P. 240—251.
23. Shattuck P.T., Durkin M., Maenner M. et al. Timing of identification among children with an autism spectrum disorder: findings from a population-based surveillance study // J. Am. Acad. Child. Adolesc. Psychiatry. — 2009. — Vol. 48 (5). — P. 474—483.
24. Ware J.E. Standards for validating health / Definition and content // J. Chron. Diss. — 1987. — №6. — P. 473—483.
25. Williams J., Brayne C. Screening for autism spectrum disorders: what is the evidence? // Autism. — 2006. — Vol. 10 (1). — P. 11—35.

Modern principles of prevention of mental disorders in children and teenagers

VOSTROKNUTOV N.V.

Dr. med. Sci., professor, Head of Department for social psychiatry of children and adolescents in Serbsky State Center for Social and Forensic Psychiatry

PEREZHOGIN L.O.

Dr. med. Sci., Department for social psychiatry of children and adolescents in Serbsky State Center for Social and Forensic Psychiatry;
e-mail: dr-lev-perezhogin@yandex.ru

In the article are analyzed modern patterns in prophylactic and rehabilitation of mental disorders in child and adolescents in context of main Russian and most impotent foreign concepts for child psychiatry.

Key words: children, adolescents, mental disorders, prophylaxis